

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159

В. А. Мазилев

История психологии: проблема факта

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15-06-10716

Рассматриваются трудности исследований в области истории психологии. В истории психологии как в никакой другой области имеется огромное число разночтений, непониманий, несправедливых оценок. Повторим, здесь наслаиваются общие сложности «ремесла историка» и специфика психологии – самой неоднозначной науки. Утверждается, что наиболее существенные проблемы связаны, в первую очередь, со сложностью объекта и предмета психологической науки, которая пока слабо раскрывается и поддается постижению с помощью средств традиционной естественной или гуманитарной науки. Среди многочисленных трудностей, с которыми сталкивается историк психологии, важное место занимает проблема факта. Проблема актуальна и для общей психологии, и для других отраслей психологической науки, но особенно она сложна в истории психологии. Сложность состоит в том, что даже те факты, которые не подвергаются сомнению в смысле их подлинности, оцениваются разными историками совершенно по-разному. Разумеется, это негативно сказывается на взаимопонимании специалистов и, в конечном счете, на развитии истории психологии как научной дисциплины. Вопросы, связанные с детерминацией восприятия факта, обсуждаются в статье. Выдвигается предположение, что в области психологии факт имеет трехуровневое строение, тогда как в физиологии – двухуровневое. В этом проявляется специфика психологии как науки.

Ключевые слова: факт, история психологии, идея, предмет психологии.

PSYCHOLOGY

V. A. Mazilov

Psychology History: the Fact Problem

Difficulties of researches in the field of psychology history are considered. In psychology history as not in any other area there is a huge number of discrepancies, misunderstandings, unfair estimates. We underline, the general difficulties of «craft of the historian» and specifics of psychology – the most ambiguous science are accumulating here. It is claimed that the most essential things are connected first of all with complexity of the object and subject of the psychological science, which is still poorly revealed and can be comprehended by means of traditional natural or humanitarian sciences. The fact problem takes the important place among numerous difficulties, which the historian of psychology meets. The problem is urgent also for the general psychology, and for other branches of the psychological science, but especially it is difficult in the psychology history. Complexity consists that even those facts, which are not under then question in sense of their authenticity, are estimated by different historians absolutely differently. Certainly, it negatively affects mutual understanding of experts and, eventually, development of psychology history as a scientific discipline. The questions concerning determination of perception of the fact are discussed in the article. The assumption is made that in the field of psychology the fact has a three-level structure whereas in physiology it is two-level. This is specifics of psychology as a science.

Keywords: fact, psychology history, idea, psychology subject.

Prince, n'enquerrez de semaine
Où elles sont, ni de cet an,
Que ce refrain ne vous remaine :
Mais où sont les neiges d'antan ?

François Villon

В одной из недавних статей в интернете историк был уподоблен игроку в гольф на

минном поле. Речь шла об историке общества, но, представляется, что в этом образе хорошо видны некоторые трудности работы историка. В истории психологии дело обстоит еще сложнее, так как к известным сложностям исторической реконструкции вообще добавляются те, которые связаны со спецификой психологического знания. Заметим, что сложностей и трудностей

набирается столько, что впору – вслед за великим поэтом – воскликнуть: «Mais où sont les neiges d'antan?». Увы, исторические реконструкции в психологии очень редко позволяют получить прошлогодний снег...

Для того, чтобы избежать возможных недоразумений, подчеркнем, что проблемам методологии истории психологии уделяли внимание такие выдающиеся отечественные исследователи, как К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, В. В. Большакова, Е. А. Будилова, М. С. Гусельцева, А. Н. Ждан, А. Л. Журавлев, В. А. Карашан, Е. А. Климов, В. А. Кольцова, Е. В. Левченко, Н. А. Логинова, Т. Д. Марцинковская, И. А. Мироненко, Е. С. Минькова, О. Г. Носкова, Ю. Н. Олейник, А. В. Петровский, К. К. Платонов, М. С. Роговин, В. А. Роменец, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, М. В. Соколов, Н. Ю. Стоюхина, Б. М. Теплов, А. Н. Ткаченко, О. М. Тутунджян, Е. В. Шорохова, А. В. Юревич, В. А. Якунин, М. Г. Ярошевский и др. К сожалению, в рамках настоящей статьи в силу ограниченности ее объема нет возможности проанализировать методологические идеи вышеупомянутых авторов. Остановимся чуть подробнее на работах В. А. Кольцовой.

Детальную разработку проблемы методологии истории психологии получили в многолетних исследованиях В. А. Кольцовой [2]. В работах В. А. Кольцовой получили проработку методологические основы современной истории психологии. Важно подчеркнуть, что В. А. Кольцовой удалось раскрыть противоречивость и альтернативность процесса психологического познания. Автором разработано новое, расширенное, понимание предметной области истории психологии и, что особенно важно, осуществлена концептуализация предметной области. В. А. Кольцовой разработаны такие важнейшие для современной истории психологии вопросы, как классификация методов историко-психологического исследования, проанализированы проблемы источниковедения и историографии истории психологии [2]. В работах В. А. Кольцовой получили осмысление новые тенденции и задачи историко-психологических исследований в современную эпоху [2].

Нельзя не согласиться с констатацией В. А. Кольцовой: «Разработка проблем методологии историко-психологического исследования – условие обеспечения достоверности

и объективности получаемых знаний, предпосылка успешной реализации основной функции истории психологии – исследования и сохранения всего позитивного и ценного, что накоплено в ходе исторического познания» [2, с. 6].

Вместе с тем, конечно, стоит отметить, что в истории психологии как в никакой другой области имеется огромное число разночтений, непониманий, несправедливых оценок. Повторим, здесь наслаиваются общие сложности «ремесла историка» и специфика психологии – самой неоднозначной науки.

Вначале о наиболее очевидном. В психологии существуют уровни знания, которые чрезвычайно важны для историко-психологических реконструкций. Первый уровень – знание на уровне идеи. Второй уровень – знание предметное. На этом уровне идея прорабатывается, явление подвергается исследованию, выявляются структура, функция, процессуальные характеристики, генезис, уровни. Это уровень концептуализированного знания. Наконец, третий уровень – операциональный. На этом уровне определяются процедуры, позволяющие воспроизвести явление, измерить, описать.

Понятно, что если не различать четко эти уровни, можно допустить существенные анахронизмы. Скажем, применительно к Древней Греции можно сказать, что они «знали все». Для уровня идей, возможно, констатация верная, но, конечно, не для операционального уровня.

Другой осложняющий историко-психологические исследования момент состоит в том, что в развитии психологии в каждый момент времени сосуществуют разные потоки психологического знания. По крайней мере, можно говорить о философской, академической (научной) и практико-ориентированной психологии. Перечень, понятно, неполный, поскольку важно учитывать наличие донаучной (имплицитной), которая тоже развивается во времени, трансперсональной и проч. Вряд ли стоит пояснять, что обычно это не учитывается в исследованиях при изложении истории психологии.

Конечно, в истории психологии много проблем самого разного уровня. Вероятно, главная состоит в том, что психология имела «трудное детство», не устоялась, чрезвычайно далека от финальности, поэтому по многим признакам лишь входит в пору своего становления как фундаментальная наука. Вряд ли нужно пояснять, что это связано, в первую очередь, со сложностью объекта и предмета психологической науки, которая пока

слабо раскрывается и поддается постижению с помощью средств традиционной естественной или гуманитарной науки.

Поскольку в психологии существует, как хорошо известно, множество различных подходов, направлений, школ и т. п., становится ясно, что решающее значение имеет выбор «точки отсчета». История пишется победителями, каждое направление полагает себя наиболее передовым, поэтому события в рамках и русле этого направления получают преимущественное освещение. Разумеется, ценность других подходов несколько снижается.

Дальнейший анализ отвлек бы нас от узкой темы настоящей статьи – проблемы факта в истории психологии. Обсуждение методологических вопросов истории психологии в целом отложим до написания специальной работы. Обратимся непосредственно к проблеме факта в истории психологии и сложностям его анализа и интерпретации.

В истории психологии, которая должна основываться на фактических данных (или хотя бы не противоречить им), мы сталкиваемся с различными ситуациями, когда проблема факта становится особенно значимой. Несомненно, эти ситуации добавляют трудностей как в сами историко-психологические изыскания, так и в составление руководств по этой дисциплине. Обозначим два вида ситуаций, в которых проблема факта становится особенно значимой. Первая ситуация характеризуется тем, что подвергается сомнению сама достоверность факта. Иными словами, наличие самого факта не доказано, хотя на этот «факт» обильно ссылаются.

Вторая ситуация отличается тем, что сам факт не подлежит ни малейшему сомнению, но его оценки значимо расходятся. Это тот случай, о котором замечательно сказано Г. Гориним в «Том самом Мюнхгаузене»: «Это даже больше, чем факт, – так оно и было на самом деле». Итак, собственно факт не подлежит сомнению, но его оценка в глазах различных субъектов существенно различается.

В данной статье остановимся на втором типе ситуаций, когда факт не подлежит сомнению, но воспринимается по-разному.

Приведем несколько примеров из истории психологии. Возьмем специально хорошо известные и многократно описанные в литературе эпизоды, достоверность которых никаких сомнений не вызывает.

Эпизод первый. В 1862 г. в Париже в лаборатории Клода Бернара Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) экспериментально проверил гипотезу о влиянии центров головного мозга на двигательную активность. Он обнаружил, что химическое раздражение среднего мозга кристаллами поваренной соли блокировало рефлекторную двигательную реакцию конечности лягушки. Сегодня этот сеченовский опыт используется как лабораторная работа в курсе нормальной физиологии. Сеченов продемонстрировал свои опыты Клоду Бернару, затем в Берлине – Эмилю Дюбуа-Реймону и в Вене – Карлу Людвигу и Эрнсту Брюкке. Этот опыт получил заслуженное признание коллег, обнаруженный ученым центр был назван «сеченовским центром», а феномен центрального торможения – «сеченовским торможением». Было доказано предположение о тормозящем влиянии одной части нервной системы на другую.

Обратим внимание на то, что выдающиеся физиологи дали заслуженно высокую оценку открытому И. М. Сеченовым факту. Для нас важно, что его собственная оценка этого факта была значимо иной. Она была психологической, что, несомненно, доказывает, что уже в это время Сеченов мыслит как психолог. Если говорить коротко, для Сеченова в этом простом физиологическом эксперименте открылся психологический смысл: он увидел в этом феномене не просто торможение, а механизм воли – самого загадочного и трудноуловимого для исследования психического процесса. Как об этом писал М. Г. Ярошевский, «речь шла о таком поведении организма, которое не только приспособливается к среде, но и обладает внутренней силой сопротивления непосредственно действующим раздражителям, способностью не идти у них на поводу, а противостоять им и следовать собственной внутренней программе. Открытие торможения доказывало, что организм обладает такой способностью. Объектом экспериментов Сеченова были высшие нервные центры лягушки. Но ставя эти эксперименты, он имел в виду человека и его поведение. Об этом говорит, в частности, и его попытка изучить торможение не только на животном, но и на самом себе. Конечно, он не рисковал здоровьем других. В качестве подопытного он избрал самого себя, поставив на себе мучительный и небезопасный эксперимент. Открытие центрального торможения использовалось Сеченовым не только для объяснения того, как формируется волевая личность. Когда рефлекс обрывается,

не перейдя в движение, то это, по Сеченову, вовсе не означает, что первые две трети рефлекса оказались зряшными. Не получив внешнего выражения, завершающая часть рефлекса (а она, как отмечалось, несет в качестве движения познавательную нагрузку) «уходит вовнутрь», превращается в мысль, хотя и незримую, но продолжающую служить организатором поведения. Этот процесс преобразования внешнего во внутреннее получил имя интериоризации» [11, с. 353].

Понятно, что оценить масштаб открытия для психологии выдающиеся физиологи не могли. Иными словами, происходит то же самое, что позднее породит дискуссии, был ли психологом И. П. Павлов.

К случаю И. П. Павлова мы вернемся чуть ниже. А пока отметим: оценка этого факта проводилась Сеченовым с позиций психологии, что объясняет принципиально иные его «перспективы», по сравнению с коллегами-физиологами. Обратим внимание на этот момент, к анализу которого нам еще придется вернуться, что видение психолога и физиолога заметно отличается.

Случай И. П. Павлова. Итак, был ли Павлов психологом? Конечно, и это не подлежит сомнению. Приведем цитату из его Нобелевской речи: «В сущности, нас интересует в жизни только одно – наше психическое содержание. Его механизм, однако, и был, и сейчас еще опутан для нас глубоким мраком. Все ресурсы человека: искусство, религия, литература, философия и история науки – все это объединилось, чтобы пролить свет в эту тьму. Но в распоряжении человека есть еще один могучий ресурс – естествознание с его строгими объективными методами» [8, с. 255]. Достаточно обратиться к его «Введению» к «Двадцатилетнему опыту...». И. П. Павлов пишет: работая в продолжение нескольких лет «над пищеварительными железами, исследуя тщательно и подробно условия их деятельности, я, естественно, не мог оставить без внимания и так называемое до тех пор психическое возбуждение слюнных желез, когда у голодных животных и у человека при виде еды, разговоре о ней и даже при мысли о ней начинает течь слюна. И это тем более, что я сам точно установил также и психическое возбуждение желудочных желез» [6, с. 9]. Снарский предпринял анализ внутреннего механизма этого возбуждения, стоя «на субъективной точке зрения, то есть считаясь с воображаемым, по аналогии с нами самими, внутренним миром собак (опыты делались на

них), с их мыслями, чувствами и желаниями» [6, с. 9]. Как отмечает Павлов, при этом-то и произошел небывалый в лаборатории случай. Мы резко разошлись друг с другом в толковании этого мира и не могли никакими дальнейшими пробами согласиться на каком-либо общем заключении и, вопреки постоянной практике лаборатории, когда новые опыты, предпринятые по обоюдному согласию, обыкновенно решали всякие разногласия и споры [6, с. 9]. Павлов пишет далее: «Д-р Снарский остался при субъективном истолковании явлений, я же, пораженный фантастичностью и научной бесплодностью такого отношения к поставленной задаче, стал искать другого выхода из трудного положения. После настойчивого обдумывания предмета, после нелегкой умственной борьбы я решил, наконец, и перед так называемым психическим возбуждением остаться в роли чистого физиолога, то есть объективного внешнего наблюдателя и экспериментатора, имеющего дело исключительно с внешними явлениями и их отношениями» [6, с. 9].

Как свидетельствует исследователь творчества Павлова, «отказаться вообще от термина психическое и от субъективного мира человека, как это предлагали в то время некоторые ученые, И. П. Павлов не мог, так как он, как физиолог, изучающий функции пищеварения, придавал психическому фактору исключительное значение» [9, с. 100].

Действительно, как отмечает Павлов, «при наблюдении нормальной деятельности слюнных желез нельзя не быть пораженным высокой приспособляемостью их работы. Вы даете животному сухие, твердые сорта пищи – льется много слюны; на богатую водой пищу слюны выделяется гораздо меньше» [6]. Иными словами, И. П. Павлов приходит к выводу, что в деятельности «левой железки» (как он часто именовал слюнные железы) мы можем увидеть недвусмысленные и очевидные проявления «внутреннего мира собаки», ее «мыслей, чувств и желаний». В работах Павлова мы, таким образом, видим последовательный естественнонаучный подход к анализу психических явлений. Это недвусмысленный ответ на тот вопрос, который Павлов некогда адресовал самому себе: «...нельзя ли найти такое элементарное психическое явление, которое целиком и с полным правом могло бы считаться вместе с тем и чистым физиологическим явлением, и, начав с него – изучая строго объективно (как и все в физиологии) условия его возникновения,

его разнообразных усложнений и исчезновения, – сначала получить объективную физиологическую картину всей высшей нервной деятельности животных?» [7, с. 322]. Какова дальнейшая судьба избранной великим ученым стратегии, обсуждать здесь не время и не место, осуществим эту задачу отдельно в специальной работе.

Эпизод второй. Зигмунд Фрейд. Как пишет Ю. Б. Гиппенрейтер, «интерес к неосознаваемым процессам возник у Фрейда в самом начале его врачебной деятельности. Толчком послужила демонстрация так называемого постгипнотического внушения, на которой Фрейд присутствовал и которая произвела на него потрясающее впечатление» [1, с. 89]. Одной даме внушили в гипнозе, что она по пробуждении должна взять зонтик кого-то из гостей, стоящий в углу комнаты. Когда она проснулась, то действительно взяла зонтик и раскрыла его. На вопрос, зачем она это сделала, дама ответила, что захотела проверить, исправен ли зонтик. Когда же ей заметили, что зонтик чужой, она смутилась и поставила его на место. Какие особенности феномена постгипнотического внушения привлекли его внимание? *Во-первых*, неосознаваемость причин совершаемых действий. *Во-вторых*, абсолютная ответственность этих причин: человек выполняет задание, несмотря на то, что сам не знает, почему он это делает. *В-третьих*, стремление подыскать объяснение, или мотивировку, своему действию. Наконец, *в-четвертых*, возможность иногда путем длительных расспросов привести человека к воспоминанию об истинной причине его действия, по крайней мере, так было в случае с зонтиком [1, с. 90].

Известно, что Фрейд обсуждал этот феномен с разными коллегами, в частности, с Ж. Шарко. На последнего эти факты, насколько можно судить, не произвели особенного впечатления. По видимому, это произошло из-за того, что Шарко находился на позиции психиатра, поэтому для него гипноз являлся средством исследования истерии. Для Фрейда этот психологический феномен выступил как модель устройства психики человека. Фрейд увидел в этом факте психологический феномен – метафору психической жизни в целом, когда бессознательные явления реально управляют поведением человека, тогда как сознание не имеет об этом ни малейшего представления.

Эпизод третий. Для краткости воспользуемся описанием, которое дает известный отечествен-

ный историк психологии М. Г. Ярошевский. Речь идет об известном эксперименте М. Вертгеймера, посвященном исследованию фи-феномена: «...в 1910 году во Франкфурте-на-Майне в Психологическом институте, где Вертгеймер искал экспериментально ответ на вопрос о том, как строится образ восприятия видимых движений, а Келер и Коффка были не только испытуемыми, но и участниками обсуждения результатов опытов. В этих дискуссиях зарождались идеи нового направления психологических исследований. Схема опытов Вертгеймера была проста. Вот один из вариантов. Через две щели – вертикальную и отклоненную от нее на 20–30 градусов – пропускаться с различными интервалами свет. При интервале более 200 миллисекунд два раздражителя воспринимались отдельно, как следующие друг за другом, при интервале менее 30 миллисекунд – одновременно; при интервале около 60 миллисекунд возникало восприятие движения. Вертгеймер назвал это восприятие фи-феноменом. Он ввел специальный термин, чтобы выделить уникальность этого явления, его несводимость (вопреки общепринятому в ту эпоху мнению) к сумме ощущений от раздражения сперва одних пунктов сетчатки, а затем других. Сам по себе результат опытов был тривиален. Вертгеймер использовал давно уже изобретенный стробоскоп, позволяющий при вращении с известной скоростью отдельных дискретных изображений создать видимость движения – принцип, приведший к созданию кинопроектора. Вертгеймер видел смысл своих опытов в том, что они опровергали господствующую психологическую доктрину: в составе сознания обнаруживались целостные образы, неразложимые на сенсорные первоэлементы» [11, с. 230].

В описании М. Г. Ярошевского очень хорошо показано, что в самом по себе явлении видимого движения ничего нового не было. Чем же отличалась рецепция этого факта М. Вертгеймером от восприятия его ближайших коллег? Очевидно, что это не демонстрация целостности образа – таковых со времен Х. фон Эренфельса накопилось предостаточно. Более того, в Германии существовало не менее десятка направлений, отстаивающих идею целостности психики. Не станем забывать, что гештальтпсихология была признанным лидером, образцом научности в психологии, фактически общепризнанным. Поэтому в фи-феномене – «визитной карточке» гештальтпсихологии – должно было быть что-то, на это указывающее: то, на что обратил внимание

сначала сам создатель школы М. Вертгеймер, а затем и остальные. «Вертгеймер также описал явление “чистого движения”, когда испытуемые, отчетливо видя движение, не воспринимали перемещающегося объекта. Оно получило название стробоскопического движения. Сам факт кажущегося движения был не нов. Еще раньше было установлено, что последовательное смещение объекта может вызвать восприятие непрерывного движения. Новым было объяснение этого факта. По Вертгеймеру, при возбуждении в мозгу определенного пункта “А” вокруг него создается зона, где также сказывается действие раздражителя. Если вскоре вслед за “А” возбуждается пункт “В”, то между ними возникает короткое замыкание, и возбуждение передается из пункта “А” в пункт “В”. В феноменальном плане этим процессам соответствует восприятие движения из “А” в “В”» [10, с. 262]. Здесь очень правильно показано, что для Вертгеймера смысл факта состоял в том, что он подтверждал существование феноменального поля и его изоморфизма с физиологическими процессами в мозге. Это обстоятельство сразу выделяло гештальтпсихологию из множества сходных подходов, остававшихся идею целостности.

Итак, мы кратко рассмотрели три эпизода из истории психологии. Количество эпизодов легко может быть умножено, но представляется, для нашего обсуждения этого вполне достаточно, поэтому в данном тексте ограничимся этими тремя.

О чем свидетельствуют эти эпизоды?

Факт, то есть то, что непосредственно наблюдается, воспринимается субъектами, расценивается наблюдателями явно по-разному. Представляется, что факт все же не простое однозначное явление, каким его обыкновенно представляют, но феномен, имеющий некоторую структуру.

Уже поверхностный анализ свидетельствует о том, что факт внутренне неоднороден.

Пытаясь установить состав факта, можно выделить уровень *процедурный* (или технический). На этом уровне факт будет представлен совокупностью тех процедур, которые необходимо выполнить для того, чтобы получить факт (например, взять лягушку, сделать срез мозга, поместить на него кристаллики соли и т. д.).

Кажется, на этом уровне никаких разногласий не предвидится. Более того, если бы они

прогнозировались, то под угрозой оказалась бы воспроизводимость факта.

Очевидно также, что наблюдаемый факт является событием, которое существует как научный феномен. Имеется в виду то, что он воспринимается как имеющий отношение к науке, подчиняющийся закономерностям науки, соотносящийся с системой ее понятий и трактуемый в терминах науки. Этот уровень следует именовать *предметным* (или концептуальным). Например, лягушка потому не отдергивает лапку, что происходит тормозящее влияние. Это, несомненно, физиологическое объяснение, кстати, являющееся значимым вкладом в физиологию.

Оказывается, как это следует из рассмотренных нами эпизодов, для психологического факта характерно наличие еще одного уровня – идеологического (или методологического). Это связано с тем, что в области психологии существует неоднозначная трактовка предмета, в связи с чем явление может восприниматься по-разному в зависимости от того, как понимается сам предмет. Возможно, в данном случае мы имеем дело с уникальностью положения в психологии, чего не наблюдается в других науках.

Сопоставим обсуждавшиеся выше эпизоды, представляющие историко-психологический материал, с данными исследования на материале общей психологии [4].

Кратко итоги проведенного исследования можно сформулировать следующим образом: в структуре факта могут быть выделены идеологический, предметный, процедурный уровни. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный – соответственно с базовой категорией и моделирующими представлениями как важнейшими компонентами предтеории. Напомним характеристику предтеории (предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования; предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. п.). Обратим внимание на то, что предтеория может не осознаваться самим

исследователем, для ее экспликации необходимо использовать специальные процедуры [4].

Заметим, что это открывает новые возможности для трактовки детерминации факта. Факт был рассмотрен как составная часть структуры научного исследования. Были проанализированы роль, место и значение научного факта как компонента когнитивной методологии, отражающей универсальную схему научного исследования в психологии. При включении факта в структуру когнитивной методологии становится ясно, что факт, получаемый в научном исследовании, имеет структуру, аналогичную предтеории, то есть включает в себя те же три уровня – идеологический, предметный и процедурный. Идеологический уровень характеризует представленность предмета психологии, то есть отражает специфику факта как именно психологического. Предметный – выражает содержание факта как соответствующего теоретическим представлениям автора. Процедурный уровень описывает способ воспроизведения (получения) факта.

Установлено, что факт имеет сложную детерминацию, причем различные уровневые подструктуры факта детерминированы различными компонентами предтеории. Факт зависим от предтеории в целом, но наиболее сильные влияния, определяющие характеристики факта, в следующем: идеологический уровень определяется трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный – соответственно базовой категорией и моделирующими представлениями.

Как и предполагалось, основным фактором, определяющим различия в квалификации факта, выступают различия в предтеориях субъектов. Обратим внимание на то, что этот результат открывает интересные и многообещающие перспективы дальнейших исследований. Отметим, что такая трактовка факта позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные факты: почему разными учеными одни и те же факты воспринимались и оценивались принципиально по-разному. С нашей позиции, ответ очевиден: в этих случаях факты воспринимались так потому, что оказались по-разному теоретически нагруженными, так как оценивались с позиции разных предтеорий.

Поясним это. В качестве предтеории, определяющей восприятие и трактовку факта, могут выступать элементы профессиональных представлений – фрагменты теорий, которые субъект как профессионал принимает. Например,

субъект может руководствоваться известными в психологии теориями. Скажем, в отечественной психологии известно несколько концепций деятельности или мышления, созданных различными исследователями.

К примеру, для С. Л. Рубинштейна в его подходе базовой категорией является процесс, тогда как для А. Н. Леонтьева это структура. Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда, для другой – совместно-распределенное взаимодействие индивидов в решении общей задачи. Такого рода различия опыта субъектов будут в значительной степени определять различия в рецепции фактов, которые представляются практически неизбежными.

Этот момент является ключевым для организации дальнейшего исследования. Поскольку для понимания факта столь важна соответствующая предтеория, необходимо понять, каким образом происходит эта интерпретация. Неизбежно актуальным становится исследование более общей структуры, в которую включены разного рода предтеории, имеющиеся в наличии у того или иного субъекта. В этом случае логично говорить о профессиональном сознании, в котором должны быть представлены такого рода структуры. Вероятно, не стоит специально говорить о том, что названные нами структуры пока еще исследованы недостаточно. Здесь мы сталкиваемся с одной из острейших проблем психологии труда. Действительно, психологами исследовано много различных видов профессиональной деятельности, в частности, выявлена информационная основа многих видов деятельности. И, вероятно, никто не станет утверждать, что можно сказать то же самое о деятельности самого психолога. Похоже, очередной случай, когда сапожник оказывается без сапог. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то, что изучение профессионального сознания связано с большими трудностями, которые не будем в данном тексте обсуждать. Как представляется, более конструктивно рассматривать обсуждаемые вопросы в другом контексте. Речь идет о понятии внутреннего мира человека. Применительно к нашей проблематике можно говорить о внутреннем мире психолога. Таким образом, может быть поставлена задача исследования внутреннего мира психолога-профессионала.

Обратим внимание, что в настоящее время не вполне проясненным остается вопрос, всегда ли психологический факт включает в себя три уровня. Необходимо дополнительное

исследование, которое позволит внести ясность в это вопрос.

Напомним, что уравнивая трактовка факта позволяет преодолеть ложный постулат о несоизмеримости научных фактов в ситуациях до- и послереволюционной (имеются в виду научные революции по Т. Куну) в области психологии. Наши исследования убедительно показывают, что факт, имеющий уравнивающую структуру, имеет как инвариантные, так и изменяющиеся составляющие. В этом мы склонны видеть большие перспективы применения данного подхода в сфере философии и истории науки.

Библиографический список

1. Гиппенрейтер, Ю. Б. Введение в общую психологию [Текст] / Ю. Б. Гиппенрейтер. – М., 2002. – 336 с.
2. Кольцова, В. А. История психологии: Проблемы методологии [Текст] / В. А. Кольцова. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 510 с.
3. Мазиллов, В. А. Методологические проблемы исследований в истории психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский Педагогический вестник. Том II (Психолого-педагогические науки). – 2015. – № 1. – С. 91–97.
4. Мазиллов, В. А. Методология психологии: к разработке концепции психологического факта [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 4. – С. 157–168.
5. Ноздрачев, А. Д. И. П. Павлов – первый нобелевский лауреат России. Том 1: Нобелевская эпопея Павлова [Текст] / А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, К. Д. Зеленин, Е. А. Космачевская, Л. И. Громова, В. К. Болондинский. – СПб.: Гуманистика, 2004. – 528 с.
6. Павлов, И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных [Текст] / И. П. Павлов. – М.: Наука, 1973. – 661 с.
7. Павлов, И. П. Полное собр. сочинений [Текст] / И. П. Павлов. – М. – Л., 1951. – Т. 3. – Кн. 2.
8. Павлов, И. П. Нобелевская лекция [Текст] / И. П. Павлов // Ноздрачев А. Д. И. П. Павлов – первый нобелевский лауреат России. Том 1: Нобелевская эпопея Павлова / А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, К. Д. Зеленин, Е. А. Космачевская, Л. И. Громова, В. К. Болондинский. – СПб.: Гуманистика, 2004. – С. 236–255.
9. Шингаров, Г. Х. Научное творчество И. П. Павлова: проблемы теории и метода познания. [Текст] / Г. К. Шингаров. – М.: Медицина, 1985. – 208 с.
10. Энциклопедия истории психологии. Том 4. Кн. 2 [Текст]. – М., 2010. – 626 с.
11. Ярошевский, М. Г. История психологии от античности до середины XX века [Текст] / М. Г. Ярошевский. – М.: Академия, 1997. – 416 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gippenrejter, Ju. B. Vvedenie v obshhuju psihologiju [Tekst] / Ju. B. Gippenrejter. – M., 2002. – 336 s.
2. Kol'cova, V. A. Istorija psihologii: Problemy metodologii [Tekst] / V. A. Kol'cova. – M.: Institut psihologii RAN, 2008. – 510 s.
3. Mazilov, V. A. Metodologicheskie problemy issledovanij v istorii psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij Pedagogicheskij vestnik. Tom II (Psihologo-pedagogicheskie nauki). – 2015. – № 1. – S. 91–97.
4. Mazilov, V. A. Metodologija psihologii: k razrabotke koncepcii psihologicheskogo fakta [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 4. – S. 157–168.
5. Nozdrachev, A. D. I. P. Pavlov – pervyj nobelevskij laureat Rossii. Tom 1: Nobelevskaja jepopeja Pavlova [Tekst] / A. D. Nozdrachev, E. L. Poljakov, K. D. Zelenin, E. A. Kosmachevskaja, L. I. Gromova, V. K. Bolondinskij. – SPb.: Gumanistika, 2004. – 528 s.
6. Pavlov, I. P. Dvadcatiletnij opyt ob#ektivnogo izuchenija vysshej nervnoj dejatel'nosti (povedenija) zhivotnyh [Tekst] / I. P. Pavlov. – M.: Nauka, 1973. – 661 s.
7. Pavlov, I. P. Polnoe sobr. sochinenij [Tekst] / I. P. Pavlov. – M. – L., 1951. – T. 3. – Kn. 2.
8. Pavlov, I. P. Nobelevskaja lekcija [Tekst] / I. P. Pavlov // Nozdrachev A. D. I. P. Pavlov – pervyj nobelevskij laureat Rossii. Tom 1: Nobelevskaja jepopeja Pavlova / A. D. Nozdrachev, E. L. Poljakov, K. D. Zelenin, E. A. Kosmachevskaja, L. I. Gromova, V. K. Bolondinskij. – SPb.: Gumanistika, 2004. – S. 236–255.
9. Shingarov, G. H. Nauchnoe tvorcestvo I. P. Pavlova: problemy teorii i metoda poznaniya. [Tekst] / G. K. Shingarov. – M.: Medicina, 1985. – 208 s.
10. Jenciklopedija istorii psihologii. Tom 4. Kn. 2 [Tekst]. – M., 2010. – 626 s.
11. Jaroshevskij, M. G. Istorija psihologii ot antichnosti do serediny HH veka [Tekst] / M. G. Jaroshevskij. – M.: Akademija, 1997. – 416 s.